

А он и крепится — что же ему еще остается? Крепится — и плачет... И опять крепится...

А недавно идет он утром по родной улице Новорыбной и думает. Вот, мол, жил человек, трудился, воевал, опять трудился-вкалывал, а с чем к концу жизни подошел, что нажил! Одно, кажется, доброе имя у него. Мирона Рафаиловича, и осталось. А что оно стоит, доброе имя; что вообще когда-либо стоило?.. Вот так он идет, а навстречу ему с авоськой в руках да с молочной бутылкой в ней та самая бывшая милиционерша приближается... Узнал! (Полубыль это ведь и полусказка.)

Сорок лет не виделись, да и изменилась она за сорок лет не в лучшую сторону, а узнал сразу. Остановился, о своих бедах рассказал:

— Загубили вы мне всю мою жизнь, уважаемая гражданка, бывший младший лейтенант милиции, товарищ Нетудыхатка, если не ошибаюсь?..

Она улыбается.

— И у меня тоже не слишком... Муж был милиционер, пил. Потом, слава Богу, хоть от меня ушел, живет теперь где-то на Севере, а дети поразбежались кто куда... А ваша фамилия, говорите, Широленный? Не помню... А зашли бы вы когда-нибудь чаю ко мне попить по-соседски, посидели бы. Я ведь вот в этом доме теперь живу, вторая парадная. И квартира тоже на втором этаже. Хорошая! Звонить семь раз, только лучше — стучать, звонок не работает...

Вот так поговорили и разошлись. Она — в молочный магазин (авось там сегодня молоко будет?), он — в очередное учреждение по вопросу о своем лжендействе. И опять горькую думает думу, любимицу свою вспоминает, Юльку... Всех-всех их вспоминает, родных своих негодяев, бросивших его, старика, да почти о нем и позабывших...

А еще рассказывали мне несколько дней спустя, заработал в квартире у знакомой Мирона Рафаиловича старенький электрический звонок, чуль ли не довоенный, захрипел на весь коммунальный коридор. (Соседи считали: "Раз... два... три, четыре... Нашла-таки себе старая хулиганка приличного человека!".) А после заработала у нее и электрокофемолка, и даже мясорубка электрическая, не действовавшая уже лет двадцать...

А что, он ведь, Мирон Рафаилович, никогда и не скрывал, что он рабочий высокой квалификации, электрик. Как говорят, специалист с большой буквы, хоть и индей по национальности...

Хобби китайца

Китаец шел. Шел, как хозяин, зная куда и зачем. Лесные птицы не обращали на него внимания, занятые своими брачными церемониями. Китаец остановился, послушал их трели и зашел в деревушку Лесная Блажь. Зашел не спеша, не таясь и не прячась.

Усатый милиционер, встретив его, затараторил заученно:

— Ваши документы-фамилия-имя!

Китаец из приветливых: улыбается, кланяется, протягивает на обеих ладошках паспорт и чеканит слова:

— У Кушу.

— За что?! — встрепенулся милиционер, вынимая изо рта сигару и пуская дым колечками.

— Я — У Кушу, — тычет себя У в плоскую грудь.

— Понял. А кого? — и, машинально отбросив окуроч, блюстителем рядка погрозил на всякий случай пальцем.

— Я не сабирайся никакво укушать, меня так звать будто я укушу, — разъяснил У и зачем-то снял шляпу из рисовой соломки.

— А-а-а! — радостно воскликнул милиционер и с добрыми напутствиями отпустил его на все четыре стороны. Строгий, как видим, мент, но справедливый.

Вскоре после этого инцидента китаец открыл салон по замене сломанных спичек на новые. Удобство для жителей лесной деревушки неоспоримо. Был ведь случай: к одинокой Дарье Егоровне заглянул гость (кавалер). Зардевшись, хозяйка поставила на плиту вчерашний борщ и чиркнула спичкой, а та вдруг сломалась, окаянная. Дарья Егоровна бегом к У, поменяла, уплатила, по дороге хлеб и соль купила — и уже на пороге. Кавалер только и успел рот открыть, потом закрыть.

Салон китайца сиял чистотой и уютом, сравнимым разве что с аптечным. Встречал клиентов У с широкой улыбкой, едва умещавшейся на его восточном лице. У всегда появлялся в ярком цветастом халате, рядом на столе возвышались стопки целлофановых пакетов с иероглифами спички. У совал принесенную клиентом спичку в пустой пакет и возвращал вместе с упакованной годной.

Символика вечности всем понятна: прошлое (сломанная спичка), настоящее (годная) и будущее, затаившееся в головке спички.

Плата умеренная — и к нему повалил народ из окрестных сел. При-

носили спички, сломанные в двух, реже в трех местах, разрезанные на несколько равных и неравных частей, надкушенные и в серых едва заметных пятнах.

Довелось китайцу пройти и сквозь горнило испытаний. Некто у него на глазах сжал в кулаке спичку — и спичка хрустнула, но ни один мускул не дрогнул на восточном лице У. Заезжий белобрысый паренек размочалил чем-то спичку и давай биться об заклад со всеми, что китаец ее не заменит. Нет, заменил, причем охотно.

Популярность У росла, и коллекционирование спичек стремительно превратилось в модное хобби. С шиком приезжали из столиц и городов на запыленных "мерседесах" поменять пару-тройку коробков.

Заходили к У и просто так, поболтать за чашкой чая. Зашел с ружьем и охотник с обуревающим его сомнением: настоящий ли У китаец? Но китаец мудро хранил молчание.

А спустя пару дней он собрался, взял с собой дворняжку Жучку и ушел. Ушел навсегда. У него было свое хобби: он любил странствовать.

Лох-Несси по-одесски Пародии

Дума про Опанесса и других (Эдуард Багрицкий)

1

По-над склоном ржой-железом
Вереск вьется горный.
Ой, плывет плезавр с обрезом
Дорогой озерной.
Опанессе, не дай маху,
Не сверни с дороги —
Видишь черную папаху
На кривой миноге?
Пряником через Одессу
Ты спешил из Балты,
Топал к вольному Лох-Нессу,
А к Макне попал ты.
Здесь не надобно резонов,
Чтоб под видом красных
Ставить к стенке форельзонов
И сомштейнов разных.
У Макна по самы лапы
Волосня густая:
— Ты откуда, хлопче, драпал,
Из какого края?
Отвечай мне, да без спеси,
А подумав малость, —
Сколько в море и в Одессе
Сельдьманов осталось?
А тебе дорога вышла
С Несстором Макною,
Повернешь обратно дышло —
Пулей рот закрою!